

КОГДА юношей я пришел в Центральный театр Советской Армии, Нина Афанасьевна Сазонова еще не была такой известной актрисой, какой стала теперь. Она еще не снималась в кино и на телевидении, не носила звания народной артистки. Даже еще не играла ведущих ролей. Но в театре отлично знали, как она талантлива, и любили ее за этот талант, за сердечность, веселость, за озорной юмор. В жизни она совсем не была похожа на актрису — скромно одетая, без всякой косметики, с приветливым, простым русским лицом. Увидев ее в первый раз, я подумал, что она работник одного из цехов, до такой степени в ней отсутствовали подчеркнутая элегантность, кокетство, даже тень какой-либо претензии. И в этой простоте, открытости, доброжелательстве было чудесное обаяние. А увидев ее на сцене, я понял, что Н. Сазонова настоящая талантливейшая актриса. Это было в спектакле Алексея Дмитриевича Попова «Степь широкая». Этот спектакль оставлял впечатление могучего, широкого охвата жизни, суровой и светлой правды, необычайной масштабности. Поражало, как строго и точно «вписывались» отдельные актерские работы, те или иные индивидуальности в общую широкую перспективу спектакля. «Степь широкая» показала мне тогда ярчайшей «панорамой» народной борьбы и народного труда. Я ощутил и понял, как могуч может быть театр созданием неотразимо жизненной и именно поэтому подлинно поэтической атмосферы. «Атмосфера» спектаклей А. Попова — это как бы особый крепчайший «концентрат» жизненных ароматов, звуков, ритмов и красок.

И все актеры очень «прочно» жили в этой густой, жизненно «плотной» атмосфере спектакля, в свою очередь помогая ее созданию.

Но как на огромных полотнах Сурикова или Репина мы различаем не только главных действующих лиц — Петра, боярыню Морозову, но и каждого стрельца, старуху, юродивого, боярышню, бурлака, так и в этих спектаклях, даже в массовых сценах, были ярко и ясно различимы отдельные актеры, актерские образы.

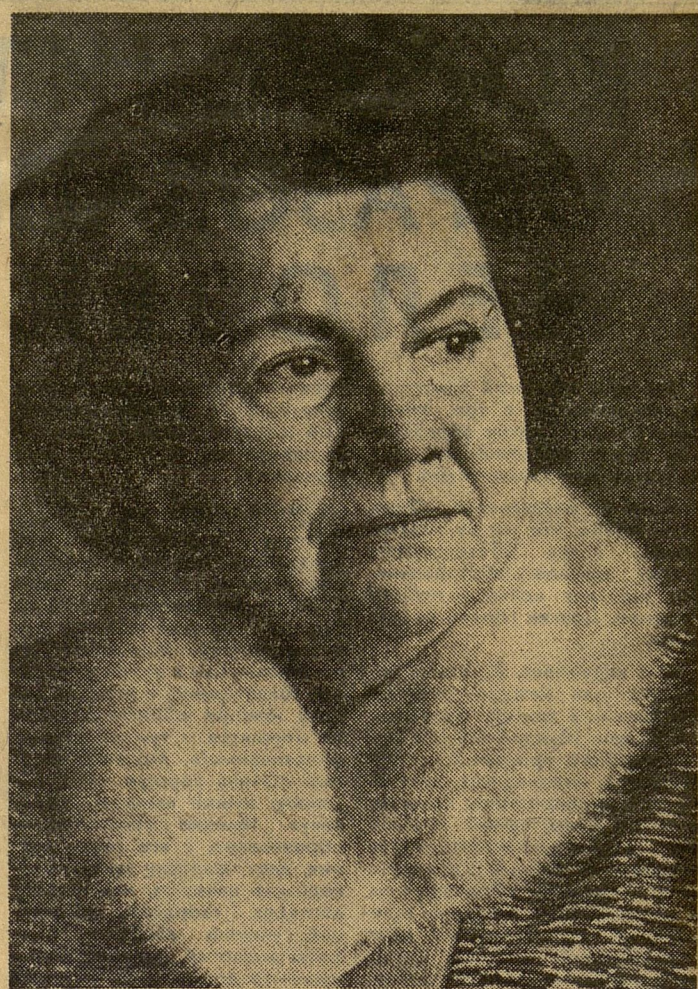
Я помню, как прекрасно играли в «Степи широкой» Л. Фетисова, В. Попова, М. Пастухова, Л. Малько, П. Константинов, Андрей Попов, Д. Сагал и другие.

Нина Сазонова была занята в сцене ночной молотью, происходившей при электрическом свете фонарей. Она играла совсем маленькую роль звеньевой, но запомнилась крепко и ярко — предельно достоверными обликом, говором, поведением, горячим темпераментом, азартной увлеченностью.

Как замечательно цела она озорные и броские частушки! Атмосфера, настроение всей картины во многом определялись удивительной правдой ее поведения, ее жизни на сцене, обаянием жизненности, которое она вносила во все, что делала на сцене. В «Степи широкой», да и во многих других спектаклях Н. Сазонова играла как верная ученица А. Д. Попова, одна из лучших представительниц его школы. Недаром всю свою жизнь она была верна одному театру — Центральному театру Советской Армии.

Как режиссер я встретился с Ниной Афанасьевной Сазоновой в процессе работы над спектаклем «Настоящий человек». Она играла в этом спектакле роль медсестры Клавдии Михайловны. Это была работа радостная, дружная и вместе с тем драматическая, трагическая даже. Я ставил этот спектакль вместе с моим незабвенным другом, талантливейшим молодым режиссером и актером, одним из самых любимых учеников А. Д. Попова и М. О. Кнебель Виктором Белявским.

В 1955 году состоялась премьера «Настоящего человека». Виктор не присутствовал на сценических репетициях, не видел генеральных. Он был смертельно болен, и часто после репетиции я приезжал к нему в больницу, и он подробно, жадно расспрашивал о том, как идет работа, радовался, огорчался, советовал, требовал, продолжал жить спектаклем. Когда бы я ни приехал в больницу, я всегда заставал там Нину Афанасьевну. Она любила Виктора, это был самый дорогой для нее человек. Театр, репетиции и больничная палата — так делилась ее жизнь в этот трудный период. Она не только замечательно репетировала свою роль, но и помогала строить весь спектакль в целом. И вот настало то черное утро, когда Нина Афанасьевна вышла на сцену и сказала, стараясь не разрыдаться: «Виктор умер». Виктора Белявского любили все. Он был редкостно талантлив и обаятелен. Он сыграл свою первую роль, поставил первый спектакль. И ушел навсегда. Сознавание жестокой несправедливости судьбы пронзило наши сердца. Мы знали, что он болен безнадежно, но где-то в глубине души надеялись еще увидеть его на премьере. Эта тайная надежда не сбылась. Мы все встали и долго стояли молча. А потом

люди искусства

ПОДЛИННОСТЬ ЧУВСТВ

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист РСФСР

мне пришлось сказать: «Через десять минут начнем прогон спектакля». Нужно было работать, это был наш долг по отношению к Виктору.

Я никогда не забуду, как репетировала в то утро Нина Афанасьевна — мужество любящей женщины, мужество актрисы помогло ей достичь в роли медсестры Клавдии Михайловны той вершины в искусстве, которую Вл. Немирович-Данченко определял как искусство «мужественной простоты».

Она замечательно играла эту роль, о ней писали во всех рецензиях: «Особенно хочется отметить теплое, очень человеческую игру Н. Сазоновой в роли Клавдии Михайловны, ее глубокое проникновение в образ при предельной скупости внешней формы. Ее Клавдия Михайловна... вносит в палату уют и покой, в ней нет ничего показного — все искренне, просто, взволнованно. Роль Клавдии Михайловны — большая удача актрисы». И удача, как знали все мы, выстрадавшая...

Но я повторяю: Нина Афанасьевна не только прекрасно играла свою роль, но и помогала строить весь спектакль, опять-таки всячески способствуя созданию его общей атмосферы.

В. Белявский не видел премьеры «Настоящего человека», не читал рецензий, но я уверен, что ему был бы дорог отзыв такой большой актрисы, как Серафима Германовна Бирман, которая писала:

«То, что я увидела на спектакле, и глубоко взволновало меня как зрительницу, и принесло моей душе, душе актрисы, какое-то особое спокойствие: хотелось благодарить весь коллектив исполнителей и новорожденный спектакль за большую, дружную, живую и умелую работу». Отзыв такого строгого, взыскательного художника, каким была С. Бирман, — большая награда всем участникам спектакля. В том числе и Н. Сазоновой, чья работа в нем была актом большого артистического и человеческого мужества.

Замечательно играла Н. Сазонова в двух пьесах Иона Друцэ — «Каса маре» и «Птицы нашей молодости». В «Каса маре» есть три действующих лица — соседи, написанные автором с большим юмором и сочностью. Это своеобразный бытательский «хор». «Протагонистом» этого «хора», конечно, была Н. Сазонова — ее героиня ярко, сочно, азартно, по-своему талантливо сплетничала, высматривала, подглядывала, подслушивала в начале спектакля, а в его финале вдруг раскрывалось ее доброе сердце.

В роли Артины («Птицы нашей молодости») Н. Сазонова соединяла наивную вздорность, смешную бабью обидчивость опять-таки с добротой, своеобразной душевной тонкостью. Актриса великолепно чувствует обаятельное, в чем-то ребячливое, простодушие деревенских героинь Друцэ и их душевную глупость, человеческую. Именно это соединение придает бытовым фигурам масштаб особой поэтичности, без которой нельзя играть пьесы Друцэ.

Исполнение роли Паши в телефильме «Дети за днем» принесло Н. Сазоновой всесоюзную популярность.

Совсем недавно Н. Сазонова сыграла свою Вассу Железнову в пьесе А. М. Горького. В этом резком и нервном спектакле не ищут исключительности личности Вассы, но своеобразно настаивают на горьковской характеристике Вассы — «человеческой женщины» во всей емкости этого сложного понятия. Васса Сазоновой — мать неистовая и грешная, погубившая будущие детей своих и до последнего вздоха старающаяся спасти разрушенное гнездо всеми доступными ее познанию средствами. Васса у Сазоновой натура страстная, одержимая, ее разум почти всегда сдается на милость сердца, а сердце, истоптанное, искалеченное той нелепой жизнью, в которую Васса не может не верить, оказывает ей недобрую услугу. «Человеческой женщине», сыгранной Ниной Сазоновой в «Вассе Железновой», ничто человеческое не чуждо, но все реже и реже проникает свет в сумерки этой души, и наконец, измученная, она угасает навсегда.

Сазоновская Васса еще только начала свой сценический путь, и подводить окончательный итог этой этапной работы актрисы, разумеется, преждевременно, но нельзя не оценить творческую смелость актрисы, не пожелавшей вызвать либо только сочувствие, либо только ненависть к противоречивой натуре своей героини; много дороже для Сазоновой наше зрительское понимание Вассы во всей ее человеческой сложности.

Смелая, броская яркость и сочность искусства Н. Сазоновой соединяется с сердечностью, с женским самоотвержением и добротой, которые она неизменно находит во многих своих героинях. Она умеет выпукло показать наглую хватку женщины-мещанки, ее жадную самоуверенность, гомерическую эгоцентричность и так же убедительно раскрывает подвиг материнства, тихое, незаметное подвижничество простых женщин.

Н. Сазонова — яркая «бытовая» актриса, достоверная и узнаваемая в каждой мелочи, в каждой детали своего сценического поведения, но очень часто эта крепкая бытовая основа ее образов освещается особой внутренней музыкальностью — она существует в мелодике ее русской речи и порой выражается впрямую в тех песнях, которые украшают некоторые ее роли. Недаром зрители так любят эти ее песни.

В моем представлении Нина Афанасьевна Сазонова — настоящая русская бытовая актриса в самом лучшем, высоком смысле этого слова.

Вл. И. Немирович-Данченко однажды упрекнул актеров в том, что они оставили «в стороне искание характерности. Слово актер перестал любить быт. А быт в реальном искусстве играет такую громадную роль! Я вообще никогда не понимал, как можно любить жизнь, не любя быт».

Н. Сазонова любит жизнь во всех ее проявлениях. Отсюда и возникают, вырастают жизненная правда и обаяние, театральная яркость ее искусства.

● Народная артистка РСФСР Н. Сазонова.

Фото В. Кузнецова.